

АНДРЕЙ Е. СЕРИКОВ¹

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

ORCID: 0000-0002-4213-8089

Грамматика поведения человека и биосемантика

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-139-155

Резюме:

В данной статье ставится вопрос, какие подходы в семиотике и лингвистике, помимо структуралистской семиологии, могут быть источниками инноваций в антропологии и социальной теории. Автор предлагает вариант понимания поведения человека, называемый по аналогии с языковыми грамматиками «грамматикой поведения» и основанный частично на теории поля К. Левина, частично — на биосемантике Р. Г. Милликэн. В рамках семиотического подхода к объяснению человеческого поведения отдельные действия могут пониматься как знаки, выражающие смысл других действий. Социальные смыслы связывают действия в единую цепочку и извлекаются из смыслов предыдущих действий. Данная модель, в целом верная, является слишком абстрактной и требует более детального объяснения того, как именно извлекаются смыслы. Объяснение может состоять в том, что действия опосредованы ситуациями в соответствии с формулой К. Левина: реализуемая форма поведения является функцией ситуации, понимаемой как совокупность свойств действующей личности и обстоятельств, в которой она находится. Если эту идею выразить в форме правил, согласно которым типичная форма поведения реализуется человеком, обладающим типичным социальным статусом, находящимся в типичном психофизиологическом состоянии и типичных обстоятельствах, то получится вариант так называемой «грамматики поведения», эксплицирующей врожденные предрасположенности и имплицитные правила культуры. Вопрос о том, как понимать типичные для той или иной культуры формы поведения и ситуации, можно решить на осно-

139

1 Сериков Андрей Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Научные интересы: социальная теория, культурная антропология, теория поведения, семиотика, эпистемология. E-mail: aeserikov@mail.ru

вании биосемантики Р. Г. Милликэн. Они могут быть поняты как естественные конвенции — такие, для существования которых достаточно двух условий: чтобы они воспроизводились и чтобы это воспроизводство было основано на значимости прецедентов. Эта идея позволяет объяснить, с одной стороны, как возникают и распространяются конвенциональные формы типичного поведения и понимания типичных ситуаций, а с другой стороны, каким образом существует множество нетипичных ситуаций и нетипичных форм поведения.

Ключевые слова: поведение человека, грамматика, правило, конвенция, значение, ситуация, социальная теория, биосемантика

Andrei E. Serikov¹

Samara National Research University, Samara, Russia

A Grammar of Human Behavior and Biosemantics

Abstract:

Within the semiotic approach to explaining human behavior, individual actions can be understood as signs expressing senses of other actions. Such an understanding makes it possible to combine the description of actions in the individual and systemic societal perspective. The individual sense of an action refers to a finite number of other actions given to a person both in consciousness and in bodily experience as a whole. Social senses link actions into a single chain and are extracted from the senses of previous actions. This model, while generally correct, is too abstract and requires a more detailed explanation of exactly how senses are extracted. The suggested possible explanation is that actions are mediated by situations in accordance with the formula of K. Lewin: the actual form of behavior is a function of the situation, understood as a set of properties of the acting person and her circumstances. The idea being expressed in the form of rules, according to which a typical form of behavior is performed by a person with a typical social status, being in a typical psychophysiological state and typical circumstances, gets a variant of the so-called “grammar of behavior”, explicating innate predispositions and implicit rules of culture. The question of how to understand the forms of behavior and situations typical for a particular culture can be solved on the basis of the biosemantics of R. G. Millikan. They can be understood as natural conventions — such that two conditions are sufficient for their existence: that they reproduce, and that this reproduction be based on the weight of precedents. Conventional language constructs are understood in biosemantics as lineages of tokens that were copied from each other and copies of which were used for repeated solutions to the same problem. They may have appeared by accident, but they survive and proliferate due to the

1 Serikov Andrei Evgenievich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University. Research interests: social theory, cultural anthropology, theory of human behavior, semiotics, epistemology. E-mail: aeserikov@mail.ru

performance of a vital function. At the same time, it is not at all necessary that the absolute majority of people conform to these conventions, just as the conventions do not have to be explicit prescriptions. Ideas about what forms of behavior are most appropriate in a given situation cannot be the same for different people, but this does not prevent the proliferation of conventional behavior.

Keywords: human behavior, grammar, rule, convention, meaning, situation, social theory, biosemantics

Введение

Структурализм является классическим примером того, как наука о знаковых системах может быть источником идей в антропологии и социологии. Семиология Фердинанда де Соссюра оказала влияние на создание фонологий Николая Сергеевича Трубецкого и Романа Осиповича Jakobsona с соавторами, в свою очередь повлиявших на возникновение структуралистского метода Клода Леви-Строса, ставшего образцом научного подхода не только во французской этнологии, но и далеко за ее пределами. Другая, менее заметная для социальных теоретиков траектория влияния семиологии — это развитие структуралистских идей в рамках американского дескриптивизма, от которого отталкивается и который, наряду с бихевиоризмом, преодолевает в своих работах по порождающей грамматике Ноам Хомский. Когда Пьер Бурдьё в «Практическом смысле» (1980) критикует структуралистское понимание и структуралистские методы выявления правил культуры, он явным образом ориентируется на поиск «порождающей модели» или «порождающей формулы», «порождающих схем», сводящих бесконечное число конкретных случаев и вариантов выбора к немногочисленным принципам [Бурдьё 2001: 197, 200, 404].

141

Постструктуралистская социальная теория Бурдьё — это аналог генеративизма в лингвистике. При этом отказ Бурдьё от описания правил в пользу выявления стратегий — это не отказ от более фундаментальной идеи применения в социальных науках апробированной в лингвистике методологии. Я думаю, что в качестве эмпирической науки лингвистика обладает преимуществом хотя бы потому, что данные об использовании языка намного более доступны, чем данные о других аспектах человеческого поведения и человеческих отношений, что позволяет систематически тестировать старые и предлагать новые методологические и теоретические идеи. Так, существуют общедоступные языковые корпуса и основанная на них корпусная лингвистика, но нет общедоступных баз данных результатов социологических наблюдений и, соответственно, не существует чего-то наподобие «корпусной социологии». В этом

контексте трудно не согласиться с Леви-Стросом, считавшим, что применяющая передовые научные методы лингвистика занимает среди социальных наук «исключительное место <...> уже потому, что достигнутые ею успехи превосходят достижения остальных социальных наук» [Леви-Строс: 37].

Однако структуралистская семиология — не единственный вариант науки о знаках, так же как генеративизм — не единственный современный подход к теории языка. Поэтому возникает вопрос: какие другие подходы в семиотике и лингвистике могут быть источниками инноваций в антропологии и социальной теории? Ниже предлагается вариант понимания и описания поведения человека, называемый по аналогии с языковыми грамматиками «грамматикой поведения» и основанный частично на теории поля Курта Левина, частично — на биосемантике Рут Гаррет Милликэн.

Идея грамматики поведения

В 1977 году Сурен Тигранович Золян и Игорь Аполлониевич Чернов, представлявшие тогда Московско-тартускую семиотическую школу, опубликовали статью «О структуре языка описания поведения», предлагая на основе семиотики развивать общую науку о поведении. Они писали, что вследствие развития этологии, социальной психологии, проксемики, культурологии и других наук понятие поведения приобрело более широкий смысл, чем просто «обозначение действий некоторого субъекта» [Золян, Чернов 1977: 151]. При этом сами они предлагали не более широкое определение, но лингвистический подход к описанию поведения и схему «языка описания поведения» в рамках этого подхода [Там же: 152]. Поведение уподобляется языку, а рефлексия над поведением понимается как метаязыковая в рамках иерархии «метаязыков от полного их незнания (нерегулируемое и неконтролируемое поведение) до высокой степени рефлексии (и метарефлексии) и полного овладения регуляцией поведения» [Там же]. Одним из аспектов такого подхода становится возможность говорить о *грамматике поведения*: «В системе культуры функционируют многочисленные тексты, экстраполирующие и эксплицирующие компетенцию социума (система норм и запретов). Механизм, порождающий такие тексты, назовем грамматикой. В принципе, наверное, возможно построение двух типов грамматик — нормоустанавливающих, функционально направленных на выполнение правил, и грамматик, ориентированных дисфункционально, описывающих поведение через нарушение правил» [Там же: 155].

Упоминая об этой ранней статье Золяна и Чернова, я хочу обратить особое внимание на несколько моментов:

Во-первых, они были первыми, кто в опубликованной работе употребил термин «грамматика» применительно к поведению.

Во-вторых, их конкретное понимание грамматики поведения эксплицитно ориентировалось на генеративную грамматику в лингвистике, так же как позже на нее ориентировалась теория практики Бурдье. Однако в современной лингвистике существует очень много подходов к пониманию грамматики языка; одних только критериев для различения этих подходов можно выделить около полутора десятка. Грамматика может пониматься как синтетическая либо аналитическая; как дескриптивная в отличие от предскриптивной, с одной стороны, и от генеративной — с другой; как формальная в отличие от функциональной или когнитивной, как формальная в отличие от неалгоритмической, как формальная в отличие от не использующей формальную нотацию; как грамматика внутреннего либо грамматика внешнего языка; как рекурсивная или нерекурсивная; как одноуровневая либо многоуровневая; как универсальная грамматика либо как грамматика конкретных языков; как грамматика конкретных языков с универсальными категориями либо как грамматика со специфическими для каждого языка категориями; как грамматика фразовых структур либо грамматика зависимости; как грамматика на основе предположения о принципиальном различии лексики и синтаксиса либо грамматика на основе предположения о континууме языковых конструкций; как конкурентная либо неконкурентная грамматика [Сериков 2021].

143

В-третьих, построение генеративной модели не отменяет актуальность описания конкретных порождаемых этой моделью правил, как может показаться под влиянием того же Бурдье. Дело не в том, что правила языка или правила поведения не работают или существуют только как артефакты научного (например, структуралистского) изучения. Дело в том, что реальность и работу правил можно понимать очень по-разному и в лингвистике, и в теории поведения, и в семиотике в целом. Поэтому задача заключается в разработке такой модели грамматики поведения, которая бы максимально соответствовала эмпирическим данным. И эта модель совсем не обязательно должна быть генеративной. Чтобы строить модель порождения правил, эти правила нужно предварительно описать, а в отношении поведения в целом — в отличие от языкового поведения — таких описаний мы имеем очень мало.

В-четвертых, если сравнивать термины «действие», «деятельность», «практика», «поведение» и выбирать среди них тот, который позволит обобщить в своем максимально широком значении значения всех остальных, то таким термином будет «поведение». Поэтому речь идет о «грамматике поведения», а не «грамматике действия» или «грамматике деятельности». Именно в таком, мак-

симально широком значении я буду далее писать о поведении, имея в виду, что оно может быть поведением человека, животных или других акторов, нормальным или девиантным, рациональным или иррациональным, осознаваемым или нет, врожденным или приобретенным, вербальным или невербальным и т. д. В этом контексте понятие «вербальное поведение» также должно быть избавлено от бихевиористских или медицинских коннотаций и пониматься максимально широко. Например, речевые акты должны пониматься как разновидность вербального поведения.

Примером современного исследования по грамматике поведения может служить книга Кейт Фокс «Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения», первое издание которой вышло в 2004 году, а второе дополненное издание — в 2014-м. Во введении Фокс пишет, что ее цель — выявить «грамматику» английского поведения, и прямо проводит параллель между грамматическими правилами родного языка, которые редко кто может объяснить, и «грамматикой» ритуалов, обычаев, традиций, которую с трудом могут описать даже те, кто «бегло» их соблюдает [Fox 2014: 7]. Основным результатом данного исследования — экспликация около 250 имплицитных правил английской культуры. Например, оказываясь в общественном транспорте рядом с другими пассажирами, англичане избегают любых контактов, прямых взглядов и разговоров, что Фокс называет «правилом отрицания» (the denial rule): англичане как бы отрицают само присутствие других пассажиров. Другой пример: там, где возникают живые очереди, англичане очень тщательно их соблюдают и воспринимают каждую попытку пролезть без очереди как глубоко аморальную, но при этом действует скрытое «правило непрямого порицания» (the indirectness rule), согласно которому нарушителей почти никогда не одергивают явным образом, демонстрируя свое недовольство позами, гримасами или тихим ворчанием.

Правила Фокс понимает как дескрипции «нормального или обычного» [Там же: 15] поведения большинства англичан, как описания типичных паттернов поведения. В качестве таковых они допускают нарушения и отклонения, не будучи ни обязательными к исполнению предписаниями, ни описаниями не знающих исключений универсалий. В частности, они не являются универсалиями в смысле врожденных генетически закодированных диспозиций. Однако при этом Фокс старается выявлять правила, универсальные в другом смысле: ее правила являются «сквозными» для различных социальных слоев и классов, как бы независимыми от «общества» в узком значении этого слова. В целом получается, что Фокс понимает грамматику поведения только как грамматику культуры и ограничивает ее «сверху», не включая в нее правила, специфические для того или иного социального статуса, и «снизу», не включая

в нее правила, связанные с биологическими предрасположенностями людей в целом.

На мой взгляд, грамматика поведения может также включать правила поведения, обусловленные и биологически, и социально. Уолтер Гаррисон Рансиман приводит наглядный пример различения *биологически вызванного* (evoked), *культурно приобретенного* (acquired) и *социально наложенного* (imposed) поведения. Военный компаративист «одновременно изучает вызванное поведение молодых взрослых мужчин, генетически предрасположенных инициировать насилие или отвечать на него, если они возбуждены или спровоцированы, приобретенное поведение представителей культур, в которых положительно оценивается насилие от имени своей группы, а воины-победители вызывают восхищение, и наложенное поведение рекрутов, исполняющих военные роли в обществах, в которых их формально наказывают за неподчинение или дезертирство, независимо от того, какие мемы, приобретенные путем подражания или обучения, находятся в их голове» [Runciman 2009: 8].

Если социально наложенные правила являются явными, то биологически вызванные и культурно приобретенные аспекты поведения обычно являются скрытыми и не имеют какую-либо очевидную для всех форму. В связи с этим возникают вопросы о том, как именно могут быть сформулированы эксплицированные правила грамматики поведения и как их форма отражает представления исследователя о детерминации поведения. Например, чем бы ни было вызвано поведение человека, он почти всегда осознаёт и как-то объясняет то, что он делает, и поэтому возникает вопрос о том, как осознаваемый смысл поведения связан с его неосознаваемыми причинами. Экспликация правил грамматики поведения должна, по возможности, учитывать эту связь, т. е. должна опираться на некоторую теоретическую модель поведения.

145

Грамматика поведения на основе формулы Курта Левина

Ранее я предлагал «семиотическую модель действия», основная идея которой заключается в том, что человеческие действия понимаются как знаки событийного смысла других действий [Сериков 2009]. Смысл понимается как событие в «Логике смысла» Жюльена Делёза [Делёз 1998], как мотивация немотивированных знаков-следов в грамматики Жака Деррида [Деррида 2000]. Действия понимаются как следы, отсылающие к другим действиям-следам. Модель позволяет объединить описание действий с точки зрения индивидов и с точки зрения общества как системы. В рамках этой модели индивидуальный смысл действия отсылает к конечному числу

других действий, данных человеку как в сознании, так и в опыте тела в целом. Социальные события смысла «не просто выражают субъективные интенции деятеля, но связывают действия в единую цепочку и извлекаются из смыслов предыдущих действий. То есть предполагается, что смыслы, а значит, и действия — как их знаки, могут определяться какой-то собственной логикой, не всегда совпадающей с логикой действующих индивидов» [Сериков 2009: 25]. Человеческие действия, с одной стороны, основаны на подражании и повторении, но с другой стороны, их смысл всегда уникален и его извлечение порождает инновации. Можно описать конкретные механизмы этих инноваций, такие как практическая метафора и практическая метонимия. «Метонимически мы распознаём ситуацию: если пришли гости, их нужно угостить, если наступили новогодние праздники, нужно сходить с детьми на ёлку; если начались каникулы — съездить на природу. А затем метафорически заменяем один из элементов на другой: предлагаем гостям чай вместо кофе, идем в цирк вместо театра, на охоту вместо рыбалки и т.п.» [Там же: 38]. Данная модель, в целом верная, является *слишком абстрактной и требует более детального объяснения* того, как действия могут извлекать смыслы из других действий. Это можно сделать, предположив, что *действия опосредованы ситуациями*: действие извлекает смысл из ситуации, внося свой вклад в создание следующей ситуации, и т. д. Если также допустить, что смысл из ситуаций извлекается путем выбора неких вариантов поведения, и описать это в форме правил, то получится некая грамматика поведения. Но в таком случае следует уточнить, как именно понимается «ситуация».

В конце XX века в западной психологии велась дискуссия между представителями психологии личности, считающими, что поведение человека определяется его личностными чертами, и социальными психологами, настаивающими на детерминации поведения ситуациями. Эта дискуссия была инициирована публикацией книги Уолтера Мишела «Личность и оценка» [Mischel 1968] и была настолько непримиримой, что Дэвид Фандер назвал ее «войной» [Funder 2009]. Однако в итоге этой дискуссии большинство современных психологов убеждены, что поведение является следствием как личности, так и ситуации. Личность — это всегда личность в ситуации, личностные черты и состояния можно понимать как аспекты ситуации. И в этом контексте имеет смысл вернуться к основополагающим идеям Курта Левина.

В 1933 году в статье «Влияние сил окружающей среды на поведение и развитие ребенка» Левин предложил ставшую знаменитой формулу: *поведение есть функция личности и окружающей среды*. «[Ч]тобы понять или предсказать психологическое поведение (В), следует для каждого вида психологических событий (действия, эмо-

ции, выразительные движения и т. д.) определить текущую целостную ситуацию, то есть текущую структуру и состояние индивида (Р) и текущую структуру психологического окружения (Е). $B = f(PE)$ [Левин 2001: 214]. В более поздних работах Левин подчеркивает, что состояния человека и свойства среды — это взаимозависимые факторы, совокупность которых он называет «полем», определяющим поведение. «[Ч]еловек (Р) и его среда (Е) должны рассматриваться как переменные, которые зависят друг от друга. Другими словами, чтобы понять или предсказать поведение, нужно рассматривать человека и среду как одну констелляцию взаимозависимых факторов. Мы называем совокупность этих факторов жизненным пространством (LSp) этого индивида и пишем $B = f(P,E) = F(LSp)$. Жизненное пространство, следовательно, включает как человека, так и его психологическую среду. <...> Совокупность сосуществующих фактов, которые понимаются как взаимозависимые, называется полем. Психология должна рассматривать жизненное пространство, включающее человека и его среду, как одно поле» [Левин 2000: 264-265]. Несмотря на явную аналогию с континуальным полем классической физики, психологическое поле Левина разбивается на дискретные ситуации. Конкретная «ситуация в данное время» относится «не к моменту, не имеющему временной протяженности, а к определенному временному периоду» [Там же: 70-71]. Ситуации определяют реализуемые — также вполне дискретные — «формы поведения», «способы поведения», «виды поведения», «типы поведения», «возможности поведения» (эти словосочетания Левин употребляет как синонимы).

147

Детализируя свою семантическую модель на основе формулы и терминологии Левина, я прихожу к следующей основе для построения грамматики поведения: имплицитные правила поведения могут быть эксплицированы как описания *типичных форм поведения*, реализуемых человеком, обладающим *типичным социальным статусом* (в широком значении, включающем демографические, гендерные, профессиональные, социоэкономические характеристики), находящимся в *типичном психофизиологическом состоянии* (также в широком значении, включающем весь спектр состояний организма и сознания) и *типичных обстоятельствах* (физических, культурных, социальных).

Подобные правила могут быть эксплицированы путем обобщения конкретных эмпирических данных о поведении, получаемых в антропологии, социологии, психологии, этологии и т. д. На мой взгляд, одним из перспективных методов получения эмпирических данных о поведении может быть анализ художественных произведений, авторы которых часто являются очень тонкими наблюдателями. Приведу два примера правил поведения, экспли-

цированных на основе анализа детских рассказов: «Когда в группе детей появляется новичок, он подвергается испытанию на смелость и/или способность постоять за себя, не жалуясь взрослым»; «Когда утром ребенка поднимают для того, чтобы идти в школу, он умывается и чистит зубы».

Правила поведения могут существовать на любом из уровней детерминации — биологическом, культурном или социальном — и описываться эмпирически независимо от решения вопроса о принадлежности к тому или иному уровню. В любом случае этот вопрос может решаться только после того, как правила описаны. Если некоторые правила обнаруживаются универсально независимо от культуры и общества — это повод думать об их биологической детерминации. Правило, согласно которому дети периодически подвергаются испытаниям на смелость и способность постоять за себя, предположительно является универсальным и биологически детерминированным. Основатель социобиологии Эдвард Уилсон в одной из своих последних книг высказал гипотезу о том, что люди эусоциальны [Уилсон 2022]. Эусоциальность — редкое свойство некоторых видов общественных животных, проявляющееся в том, что часть представителей вида отказываются от собственного размножения и помогают выжить колонии в целом, заботясь о потомстве других, размножающихся представителей вида. С одной стороны, это — биологическая основа самопожертвования, но с другой — основа склонности принимать жертвы других, а также приносить их в жертву во имя блага социума в целом. Так, при основании новой колонии красные огненные муравьи сначала ухаживают за несколькими королевами, а затем убивают всех королев, за исключением одной — наиболее плодovитой. Эусоциальность людей можно трактовать как генетически закодированную склонность к жертвоприношению. В этом контексте универсально наблюдаемые периодические детские испытания можно понять как проявление такой склонности: те, кто не прошел испытания, это жертвы, приносимые и принимаемые теми, кто прошел испытания успешно.

Если какие-то правила внедряются в качестве явных и поддерживаются только путем применения санкций, они должны быть поняты как социальные. Если же правила не являются универсальными, но при этом принимаются в качестве само собой разумеющихся и не требующих санкций — это правила культуры. Правила гигиены, согласно которым нужно регулярно мыться в бане, менять белье, умываться, чистить зубы и мыть руки с мылом — пример того, как эксплицитные нормы, внедряемые на социальном уровне, постепенно становятся само собой разумеющимися имплицитными правилами культуры. Так, в первые годы советской власти

гигиенические правила не были частью народной культуры в нашей стране и активно внедрялись государством: они пропагандировались с помощью плакатов, были вписаны в воинские уставы и инструкции учебных заведений, их выполнение строго контролировалось на различных уровнях, но сегодня большинство этих правил усваиваются в раннем детстве в качестве естественных привычек и даже не всегда осознаются.

Итак, экспликацию скрытых правил грамматики поведения можно понимать как описание типичных форм поведения людей, находящихся в типичных состояниях и ситуациях. В этом контексте важно прояснить, что такое типичные формы поведения. Типичные — не значит всеобщие. Даже там, где в основе поведения лежит биологическая предрасположенность, она реализуется в разной форме в разных культурах и обществах. Как и в языке, в поведении в целом существуют альтернативные варианты реализации одних и тех же функций. То есть типичные формы поведения должны пониматься как *конвенции*. Но здесь возникает вопрос о том, на какую именно теорию конвенций следует опереться.

Биосемантическая концепция естественных конвенций

149

Некоторые ученые и философы предполагают вслед за Хомским, что существует закодированная на врожденном уровне универсальная грамматика человеческого языка. В настоящее время эта гипотеза не является ни доказанной, ни опровергнутой. Но совершенно очевидно, что независимо от существования потенциально возможных правил универсальной грамматики, существуют правила конкретных естественных языков. Эти правила являются парадигмальным примером конвенций: они являются основой общения большинства носителей данного языка, хотя могли бы быть другими (ведь языков много, и они разные).

Стандартным для современной философии пониманием языковых конвенций является то, как оно изложено в книге Дэвида Льюиса «Конвенция: Философское исследование» [Lewis 1969] и уточнено в его более поздней статье «Языки и язык» [Lewis 1975]. Согласно Льюису, языковая конвенция основана на правдивости говорящих и доверии слушающих; и это такая регулярность *R* в действиях или убеждениях членов некоторой популяции, когда почти каждый из них конформен *R* и убежден, что другие конформны *R*; что является решающим основанием самому быть конформным *R*; при этом большинство предпочитает, чтобы все без исключения были конформны *R*; все потенциально знают (могут знать, если подумают) обо всем вышеперечисленном, а также о том, что существует как

минимум одна альтернатива, которая могла бы поддерживаться как конвенция вместо R [Lewis 1975: 5-12].

Концепция конвенций Льюиса основана на слишком большом количестве ничем не доказанных предпосылок о рациональности, поведении, ценностях, убеждениях и предпочтениях большинства членов некоторой популяции, критерии членства в которой также не прояснены. Такое понимание конвенций нереалистично. Рут Гаррет Милликэн предлагает альтернативную идею «простых» или *естественных конвенций*, для существования которых достаточно двух условий: во-первых, конвенциональные паттерны должны *воспроизводиться* и, во-вторых, их воспроизводство должно полностью или частично быть основано на *значимости прецедентов* [Millikan 1998: 162-168]. Воспроизводство может быть непосредственным *копированием*, основанном на подражании, либо быть основано на *объяснении* того, как следует что-то делать, либо быть *дополняющим* воспроизводством (counterpart reproduction), когда некоторая форма поведения дополняет паттерн партнера, как это происходит при рукопожатии или при подборе гайки с нужным диаметром и резьбой для уже существующего болта. Конвенциональные формы поведения следует отличать от тех, к которым человек предрасположен генетически, а также от тех, что являются единственными или наиболее эффективными способами решения некоторых задач и поэтому периодически возникают как бы сами собой, независимо от наличия прецедентов. Чтобы воспроизводимая форма понималась как конвенциональная, она должна распространяться не столько из-за ее очевидных функциональных преимуществ, сколько благодаря тому, что хорошо известны образцы ее использования, которые и передаются от человека к человеку. При этом воспроизводство конвенциональных паттернов может быть как осознанным, так и неосознаваемым. Кроме того, некоторые конвенции могут существовать как эксплицитные правила, принимаемые в качестве моральных, юридических и прочих норм, но это не является обязательным для конвенций как таковых. В целом конвенции — это не предписания, и у тех, кто соблюдает конвенции, нет обязанности их соблюдать. Существование естественных конвенций не требует и того, чтобы они соблюдались всеми членами или подавляющим большинством некоторой популяции. Достаточно такого количества повторений, которое обеспечивало бы сохранение и дальнейшее распространение образцов.

В более поздних работах [Millikan 2017; Millikan 2018] Милликэн пишет про конвенциональные *языковые конструкции*, понимаемые как *наследственные линии* (линиджы) конкретных единичных экземпляров этих конструкций, которые, во-первых, были скопированы друг с друга и, во-вторых, копии которых употреблялись для

повторных решений одной и той же задачи. Лингвистическими конструкциями могут быть отдельные слова или словосочетания, синтаксические формы, фразы и целые предложения, являющиеся идиомами. Целые предложения, однако, редко копируются целиком. Поэтому обычно предложение состоит из нескольких наложенных друг на друга конструкций. Использование языковых конструкций, которое реализует их *стабилизирующую функцию*, называется *Нормальным* (с большой буквы). Это использование способствует тому, чтобы говорящий и далее был склонен употреблять данные конструкции, обращаясь к слушающему, а слушающий и далее был склонен реагировать конвенционально. Для полных предложений это связано с выполнением конвенциональных *условий истинности* или *обоснования*. В полных предложениях стабилизирующие функции отдельных наложенных друг на друга конструкций соединяются и образуют стабилизирующую функцию всего предложения. Стабилизирующая функция индикативных конструкций предположительно состоит в том, чтобы создавать или поддерживать у слушателей истинные убеждения. Для того чтобы индикативные формы сохранялись, они должны хоть и не всегда, но в значительной части случаев употребляться в качестве истинных, а не ложных. В противном случае обучение этим формам будет затруднено, и они не будут воспроизводиться. Аналогично предположительная стабилизирующая функция императивных конструкций состоит в том, чтобы слушатель пусть и не всегда, но исполнял действия, соответствующие обозначенным этими конструкциями просьбам, пожеланиям, приказам и т.п. Поскольку в целом идея сохранения тех структур, которые могли появиться случайно, но выживают благодаря выполнению жизненно важной функции, взята из теории биологической эволюции, Милликэн называет такой подход *биосемантикой*.

151

Некоторые современные ученые считают, что биосемантика является перспективным подходом для решения проблем социальной теории. Например, Инна Феликсовна Девятко неоднократно писала про проблему объяснения социальных норм именно в качестве норм, а не просто практик, проблему выяснения объективного основания нормативности. В частности, она критикует попытки свести социальные нормы к конвенциям, понимаемым в соответствии с концепцией Льюиса [Абрамов и др. 2017: 16-18]. В этом контексте интересна точка зрения Марцина Матчака, считающего, что хотя конвенции в смысле Льюиса не позволяют объяснить нормативность закона, конвенции в смысле Милликэн позволяют это сделать [Maczak 2022]. Если бы конвенциональные правила соблюдались почти всеми, как предполагается у Льюиса, они были бы неотличимы от всеобщей практики и не находились бы в ситуа-

ции, когда требуется доказывать их особую обоснованность на фоне других альтернатив; если же конвенции соблюдаются многими, но не всеми, он могут приобретать черты нормативности по отношению ко всем остальным вариантам поведения, а источником этой нормативности может быть их стабилизирующая функция.

Конвенциональность основных правил грамматики поведения

Описанная выше идея грамматики поведения, если коротко, состояла в том, чтобы эксплицировать имплицитные типичные формы поведения в типичных ситуациях. Но при этом оставался открытым вопрос о том, что такое типичные формы и ситуации поведения. В частности, должны ли эти формы одинаково пониматься или одним и тем же образом практически истолковываться всеми участниками социальных взаимодействий? Если так, как это возможно, ведь обучение поведению происходит у каждого человека по-разному, понимание состояний и обстоятельств основано на разных примерах, у каждого своя биография?

152

Один из самых интересных аспектов биосемантики Милликэн — это возможность объяснения человеческого мышления и поведения без постулирования всеобщих значений языковых категорий. Милликэн исходит из того, что у каждого человека есть свой идиолект, который следует понимать не просто как некий лексикон, уникальный с точки зрения его состава, но как набор языковых форм, значение каждой из которых является уникальным для данного человека в данный момент времени. *Нет никаких всеобщих концептов*, если понимать их как внутренние репрезентации, единые для носителей того или иного языка или представителей той или иной культуры. В качестве внутренних репрезентаций человеку даны только *уницепты*, понимаемые как единство информации об одном и том же предмете или виде предметов (внутреннюю форму этого неологизма можно истолковать как «унифицирующее схватывание»). Уницепт является результатом работы *унитрекера* — способности или механизма, приспособленного для одних и тех же предметов в мире, для распознавания различной информации как информации об одних и тех же вещах, для связи и совместного хранения различных аспектов этой информации. Унитрекер — это способность распознавать разные знаки одного и того же предмета, как знаки именно этого предмета, распознавать одно и то же за разными проявлениями. Уницепт — это связь различных аспектов информации об одной и той же вещи, одном и том же предмете. Все унитрекеры и уницепты уникальны, это конкретные образования, нет одинаковых уницептов, принадлежащих разным индивидам. Но поскольку мы

живем в одном и том же мире, наши (разные) уницепты могут иметь отношение к одним и тем же реальным вещам. Фактически это значит, что одни и те же вещи мы видим по-разному [Millikan 2017: 7-8].

С этой точки зрения понимание того, какие формы поведения наиболее уместны в той или иной ситуации, не может быть единым для разных людей. У каждого свой набор образцов ситуаций и образцов возможных в этих ситуациях форм поведения. Какие-то из этих образцов и прототипов осознаются, какие-то — работают бессознательно. Грамматика поведения — это экспликация типичных форм, многие из которых — но не все — существуют в качестве естественных конвенций по Милликэн.

Типичные формы — это формы:

- к которым существует врожденная предрасположенность (врожденные формы);
- которые возникают в качестве единственных или наиболее эффективных решений каких-либо задач (функциональные формы);
- которые являются естественными конвенциями в смысле Милликэн (конвенциональные формы).

В качестве типичных форм поведения, статусов, состояний, обстоятельств могут быть поняты такие, которые легко распознаются и воспроизводятся представителями данной культуры и носителями данного языка, для которых в языке существуют общеупотребимые названия, конвенциональные средства описания. При этом врожденные и функциональные формы обычно модифицируются, когда под влиянием подражания и обучения на них накладываются конвенции.

Заключение

Итак, исследования в области лингвистики, философии языка, семиотики остаются источником методологических идей для социальных и поведенческих наук в целом. В данной работе были объединены две такие семиотические идеи. Одна из них состоит в том, чтобы выявить скрытые правила типичного поведения в том или ином обществе, описав тем самым его грамматику поведения, если использовать термин С. Т. Золяна и И. А. Чернова. Возможны разные подходы к экспликации подобных правил, например, предложенный выше подход, основанный на формуле К. Левина. Его суть заключается в том, чтобы выяснить, какие формы поведения являются типичными для человека с неким типичным социальным статусом в типичном психофизиологическом состоянии и в типичных обстоятельствах. Вторая семиотическая идея состоит в том, чтобы объяснить некоторую существенную часть правил грамматики поведения в качестве естественных конвенций, концепция кото-

рых возникла в биосемантике Р. Г. Милликэн. Эта идея позволяет объяснить, с одной стороны, как возникают и распространяются конвенциональные формы типичного поведения и понимания типичных ситуаций, а с другой стороны, каким образом существует множество нетипичных ситуаций и нетипичных форм поведения.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут состоять, во-первых, в экспликации грамматик поведения конкретных обществ и культур на основе эмпирических данных, а во-вторых, в теоретическом прояснении того, в чем конкретно состоят стабилизирующие функции не только языковых, но других поведенческих конвенций.

Библиография / References

Абрамов Р. Н., Быков А. В., Гаврилов К. А., Девятко И. Ф., Катерный И. В., Подвойский Д. Г., Романовский Н. В., Сапов В. В. (2017) *Нормы и мораль в социологической теории: От классических концепций к новым идеям*, М.: Весь мир.

— Abramov R. N., Bykov A. V., Gavrilov K. A., Deviatko I. F., Katernyi I. V., Podvoyskiy D. G., Romanovsky N. V., Sapov V. V. (2017) *Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Conceptions to New Ideas*, Moscow: Ves Mir, 2017. — in Russ.

Бурдье П. (2001) *Практический смысл*, СПб.: Алетея.

— Bourdieu P. *The Logic of Practice*, Saint Petersburg: Aletheia. — in Russ.

Делёз Ж. (1998) *Логика смысла*, М.: Раритет.

— Deleuze G. (1998) *The Logic of Sense*, Moscow: Raritet. — in Russ.

Деррида Ж. (2000) *О грамматологии*, М.: Ad Marginem.

— Derrida J. (2000) *Of Grammatology*, Moscow: Ad Marginem. — in Russ.

Золян С. Т., Чернов И. А. (1977) О структуре языка описания поведения. *Σημειωτική — Труды по знаковым системам*, 8(1): 151-163.

— Zolyan S. T., Chernov I. A. (1977) About the Structure of the Language of Behaviour Description. *Σημειωτική — Sign Systems Studies*, 8(1): 151-163. — in Russ.

Левин К. (2000) *Теория поля в социальных науках*, СПб.: Речь, 2000.

— Lewin K. (2000) *Field Theory in Social Science*, Saint Petersburg: Rech. — in Russ.

Левин К. (2001) *Динамическая психология. Избранные труды*, М.: Смысл.

— Lewin K. (2001) *Dynamic Psychology. Selected Papers*, Moscow: Smysl. — in Russ.

Леви-Строс К. (2001) *Структурная антропология*, М.: ЭКСМО-Пресс.

— Levi-Strauss (2001) *Structural Anthropology*, Moscow: EKSMO-Press. — in Russ.

Сериков А. Е. (2009) Семиотическая модель действия. *Социологический журнал*, 1: 19-46.

— Serikov A. E. (2009) The Semiotic Model of Action. *Sociological journal*, 1: 19-46. — in Russ.

Сериков А. Е. (2021) Некоторые основания сравнения различных подходов к пониманию грамматики языка. И. В. Демин (ред.) *История. Семиотика. Культура*.

Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 200-летию Фёдора Михайловича Достоевского и 150-летию Сергея Николаевича Булгакова, Самара: Самарская гуманитарная академия: 259-266.

— Serikov A. E. (2021) Some bases for comparing different approaches to language grammar. I. V. Demin (ed.) History. Semiotics. Culture. *Collection of materials of the International scientific conference dedicated to the 200th anniversary of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky and the 150th anniversary of Sergei Nikolaevich Bulgakov*, Samara: Samara Academy of Humanities: 259-266. — in Russ.

Уилсон Э. (2020) *Эусоциальность: Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные*, М.: Альпина нон-фикшн.

— Wilson E. O. *Genesis: The Deep Origin of Societies*, Moscow: Alpina non fiction. — in Russ.

Fox K. (2014) *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour* (2nd ed.), London: Hodder.

Funder D. C. (2009) Persons, behaviors and situations: An agenda for personality psychology in the postwar era. *Journal of Research in Personality*, 43 (2): 120-126. doi: 10.1016/j.jrp.2008.12.041

Lewis D. (1969) *Convention: A Philosophical Study*, Harvard: Harvard University Press.

Lewis D. (1975) Languages and Language. K. Gunderson (ed.) *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 3-35.

Matczak M. (2022) Ruth G. Millikan's conventionalism and law. *Legal Theory*, 28 (2): 146-178.

Millikan R. G. (1998) Language Conventions Made Simple. *The Journal of Philosophy*, 95 (4): 161-180.

Millikan R. G. (2017) *Beyond Concepts: Unicepts, Language, and Natural Information*, Oxford: Oxford University Press.

Millikan R. G. (2018) Biosemantics and Words that Don't Represent. *Theoria*, 84 (3): 229-241.

Mischel W. (1968) *Personality and Assessment*, New York: Wiley.

Runciman W. G. (2009) *The Theory of Cultural and Social Selection*, Cambridge: Cambridge University Press.

Рекомендация для цитирования:

Сериков А. Е. (2023) Грамматика поведения человека и биосемантика. Социология власти, 35 (2): 139-155.

For citations:

Serikov A. E. (2023) A Grammar of Human Behavior and Biosemantics. *Sociology of Power*, 35 (2): 139-155.

Поступила в редакцию: 13.05.2023; принята в печать: 29.05.2023

Received: 13.05.2023; Accepted for publication: 29.05.2023